

Итерация первая

АНГЕЛ ГОЛИАДА

Композитное изображение, оптически закодированное аэропланом сопровождения трансканального дирижабля «Лорд Брюнель»: в кадре — окраины Шербура, 14 октября 1905 года.

Вилла, сад, балкон.

Уберите завитки чугунной решетки балкона, и взгляду откроется кресло-каталка и сидящая в нем женщина. На никелированных спицах обращенного к окну колеса горит закатное солнце.

Артритные руки женщины, владелицы виллы, лежат на узорчатой материи, сотканной станком Жаккарда.

Руки состоят из сухожилий, тканей, сочлененных суставами костей. Время и незримые информационные процессы сплели из микроскопических волокон клеточного материала женщину.

Ее имя — Сибил Джерард.

Внизу, в запущенном английском саду, голые виноградные лозы оплели деревянные решетки, укрепленные на шелушащихся, давно не беленных стенах. Теплый сквозняк, проникающий в открытые окна комнаты, шевелит на шее женщины выбившиеся из прически седые волосы, приносит запахи дыма, жасмина, опиума.

Ее взгляд устремлен в небо, где проплывает исполинский, бесконечно прекрасный силуэт — металл, сумевший за время ее жизни разорвать пути тяготения. Предшествуя этой

царственной громаде, на фоне красного горизонта ныряют и кувыркаются крошечные беспилотные аэропланы.

«Как жаворонки», — думает Сибил.

Огни дирижабля, золотые квадраты окон, мысль о человеческом тепле. Легко и естественно ее воображение рисует картину. Она слышит далекую музыку, музыку Лондона, видит прогулочную площадку дирижабля. Пассажиры пьют, завязывают мимолетные дорожные романы, возможно — танцуют.

Мысли приходят непрошено, разум строит свои перспективы, сплетая чувства и воспоминания, порождает смысл.

Она вспоминает жизнь в Лондоне. Вспоминает, как она — та, прошлая, давняя — идет по Стрэнду, торопливо огибает толпу зевак у Темпл-Бар. Все дальше и дальше разворачивается вокруг нее город Памяти — пока у стен Ньюгейта на мостовую не падает тень повешенного отца...

Словно наткнувшись на непреодолимое препятствие, память сворачивает, уходит на другой путь, туда, где всегда вечер...

15 января 1855 года.

Комната в «Гранд-Отеле», Пикадилли.

Один стул перевернут задом наперед и надежно подпирает тяжелую, граненого стекла ручку двери. Другой завален одеждой: короткая женская накидка с оборками, грубошерстная, заляпанная грязью юбка, клетчатые брюки, визитка.

У стены — широкая, ламинированная под клен кровать с балдахином, под одеялом угадываются две фигуры. Где-то вдали стиснутый железной хваткой зимы Биг-Бен проревел десять, хриплый вой каллиопы, дымное, питаемое каменным углем дыхание Лондона.

Ледяной холод простыни. Сибил вытянула ноги, нащупала ступнями керамическую, обернутую фланелью грелку. Пальцы ее правой ноги задели голень мужчины. Прикосно-

вение вырвало его из глубокой задумчивости. Таков уж он был, этот Мик Рэдли, Денди Мик.

Она встретила Мика Рэдли на Уиндмилл-стрит, в «Танцевальной академии Лорента». Теперь, после нескольких дней знакомства, ей казалось, что Мику больше бы подошли «Келлнерз» на Лестер-сквер или даже, может быть, «Портленд румз». Он вечно что-то обдумывал, замышлял, бормотал что-то себе под нос. Умный парень, очень умный. Это ее тревожило. И миссис Уинтерхолтер тоже бы ее не одобрила: обхождение с «политическими джентльменами» требовало такта и умения держать язык за зубами, качеств, которые, по мнению миссис Уинтерхолтер, в избытке имеются у нее самой, однако полностью отсутствуют у ее подопечных.

— И запомни, Сибил, — сказал Мик, — глазки мужикам не строить, хвостом не вертеть. С этим покончено.

Очередная сентенция. Плод его усиленных раздумий.

Сибил усмехнулась, ее лицо было наполовину скрыто одеялом. Мику нравится эта усмешка, усмешка испорченной девчонки. А насчет строить глазки, вряд ли он это всерьез. Так что лучше обратим все в шутку.

— Но не будь я такой вертихвосткой, разве была бы здесь с тобой?

— Забудь, что ты была шлюхой.

— Ты же знаешь, что я имею дело только с джентльменами.

— Это я, что ли, джентльмен? — фыркнул Мик.

— Самый что ни на есть джентльмен. — (Давай, Сибил, самое время ему польстить.) — Модный, современный. Ты же знаешь, я не люблю лордов-радикалов. В гробу я их видала.

Сибил дрожала от холода, но даже это не омрачало ее радости.

Что ни говори, тут ей выпала удача — сколько угодно бифштексов с картошкой и горячего шоколада, кровать с чистыми простынями в номере фешенебельной гостиницы. И гостиница не какая-нибудь, а самая современная, с центральным

паровым отоплением, хотя, с другой стороны, Сибил охотно променяла бы беспокойное бурчание раззолоченного радиатора на жар хорошо протопленного камина.

И ведь он — симпатичный парень, этот Мик Рэдди. Упакован потрясно, карманы полные, и при этом не жмот, как некоторые. И пока что не требовал ничего необычного или противного. Сибил знала, что все это скоро кончится, поскольку Мик был приезжим джентльменом из Манчестера. Как приехал, так и уедет. Но доход с него был, и возможно, ей еще удастся растрясти его напоследок. Главное — сделать так, чтобы он привязался к ней и жалел о разлуке.

Мик откинулся на мягкие пуховые подушки и заложил безукоризненно ухоженные руки за голову с наимоднейшей, словно только-только из дорогой парикмахерской, прической. Шелковая ночная сорочка, на груди — пена кружев. Всё по первому классу. Теперь он вроде был не прочь и поговорить. Мужчины, они потом любят поговорить — в основном о своих женах.

Но Денди Мик говорил исключительно о политике.

— Так ты ненавидишь их светлостей?

— А почему бы и нет? — отозвалась Сибил. — У меня есть на то причины.

— И то правда, — медленно произнес Мик. Его взгляд, исполненный холодного превосходства, заставил Сибил зябко поежиться.

— Что ты хочешь этим сказать, Мик?

— Я знаю, почему ты ненавидишь правительство. У меня есть твой индекс.

Секундное удивление тут же сменилось страхом. Сибил резко села в постели. Во рту появился противный железный привкус.

— Ты же держишь удостоверение в сумочке, — объяснил Мик. — Я дал твой индекс одному знакомому магистрату. Он прогнал его через правительственную машину и распечатал твоё боу-стритовское досье. Тра-та-та — и готово, всего-то

и делов. — Он довольно ухмыльнулся. — Так что теперь я все о тебе знаю. Знаю, кто ты такая...

Она попыталась не выказать своего ужаса.

— Ну и кто же я, по-вашему, мистер Рэдли?

— Никакая ты не Сибил Джонс, дорогуша. Ты — Сибил Джерард, дочь Уолтера Джерарда, луддитского агитатора.

Он вторгся в ее тайное прошлое.

Жужжание невидимых механизмов, прядущих нить истории.

Мик наблюдал за ее лицом и улыбался. И Сибил вдруг вспомнила этот взгляд. Точно такой, как тогда в заведении Лорента, когда он впервые высмотрел ее в переполненном танцевальном зале. Алчущий взгляд.

— И давно ты это знаешь? — Голос у нее дрогнул.

— Со второй нашей ночи. Ты же знаешь, что я сопровождаю генерала. Генерал — человек важный, а у всякого важного человека есть враги. Как его секретарь и доверенное лицо, я не имею права рисковать с незнакомыми людьми. — Маленькая, хищная рука Мика легонько тронула ее за плечо. — Ты могла оказаться чьим-нибудь агентом. Мною двигали исключительно деловые соображения.

Сибил отпрянула.

— Шпионить за беспомощной девушкой, — выдавила она наконец. — Ну и сволочь же ты!

Но ругань, похоже, ничуть его не задела — он оставался холодным и жестким, словно судья или лорд.

— Если я и шпионю, девочка, то лишь в своих собственных целях. Я не стукач и не прихвостень властей, чтобы смотреть свысока на революционера, каким был Уолтер Джерард. Как бы там ни называли его теперь наши радикальнейшие лорды, твой отец был героем.

Мик чуть поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Уолтер Джерард — он был *моим* героем. Я видел его в Манчестере на митинге, он говорил о правах трудящихся. Это было незабываемо — мы глотки надсаживали криком

«ура!». Старые добрые «Адские коты»... — В голосе Мика вдруг прорезались простонародные манчестерские интонации. — Ты слыхала когда про «Адских котов»? В те времена, давно.

— Уличная банда, — пожала плечами Сибил. — Манчестерские хулиганы.

Мик нахмурился:

— Мы были братство! Молодежная гильдия! Твой отец хорошо нас знал. Можно сказать, он был нашим вдохновителем.

— Я бы предпочла, чтобы вы не говорили о моем отце, мистер Рэдди.

Мик раздраженно помотал головой.

— Когда я услышал, что его судили и повесили... — (слова, от которых всегда леденело ее сердце), — мы с ребятами похватали факелы и ломы и буквально взбесились, пошли все крушить... Во славу Неда Лудда, девочка! Сколько ж это лет прошло... — Он потрогал свою кружевную грудь. — Я редко рассказываю эту историю. У машин правительства долгая память.

Теперь все стало понятно — и щедрость Мика, и его сладкие речи, и загадочные намеки о тайных планах и лучшей участи, о крапленых картах и тузах в рукаве. Он дергал ее за ниточки, превращая в свою марионетку. Для человека вроде Мика дочь Уолтера Джерарда — заманчивая добыча.

Сибил откинула одеяло и встала. Зябко ступая по ледяным половицам, перебежала в рубашке к стулу и начала торопливо рыться в груде одежды. Накидка с оборками. Жакетка. Огромная клетка кринолина. Белая кираса корсета.

— Возвращайся в постель, замерзнешь, — лениво окликнул ее Мик. — Не психуй. — Он покачал головой. — Все не так, как ты думаешь, Сибил.

Упорно не оборачиваясь, она продолжала сражаться с корсетом возле окна, где сквозь обмерзшее стекло сочился с улицы свет газового фонаря. Быстрым привычным движением накрепко затянула ленты.

— А если даже и так, — задумчиво продолжал, наблюдая за ней, Мик, — то лишь в небольшой степени.

На другой стороне улицы из только что распахнувшихся дверей оперы выходят господа в черных долгополых пальто и цилиндрах. Лошади в пополах бьют копытами об асфальт и встряхивают от холода гривами. Сверкающий кузов парового экипажа, принадлежащего, надо думать, какому-то лорду, все еще хранит следы чистого загородного снега. В толпе работают проститутки. Бедные девочки, холод на улице собачий, и легко ли отыскать в такую холодную ночь доброе лицо среди всех этих крахмальных рубашек и бриллиантовых запонок. Сибил повернулась к Мику, растерянная, рассерженная, испуганная.

— Кому ты обо мне рассказал?

— Ни единой душе, — ответил Мик, — ни даже моему другу генералу. Я не собираюсь доносить на тебя. Никто еще не обвинял Мика Рэдли в болтливости. Так что возвращайся в постель.

— Не вернусь. — Сибил выпрямилась, ее босые ноги едва не примерзали к полу. — Сибил Джонс — она могла делить с тобой постель, но дочь Уолтера Джерарда — личность значительная!

Мик удивленно сморгнул, задумался, потирая подбородок, а затем кивнул:

— О сколь горька моя утрата, мисс Джерард. — Он сел в постели и театрально указал на дверь. — Так надевайте же свою юбку и ботиночки, мисс Джерард, и мотайте отсюда со всей вашей значительностью. Хотя, с другой стороны, будет очень жаль, если вы уйдете. Умная девушка мне бы ой как пригодилась.

— Да уж не сомневаюсь, — бросила Сибил, но помедлила. Этот негодяй явно намеревался разыграть еще какую-то карту, это было написано у него на лице.

Мик усмехнулся, глаза его превратились в узкие щелочки.

— Ты бывала когда-нибудь в Париже, Сибил?

— Париж? — Ее дыхание застывало в воздухе белыми облачками.

— Да, — кивнул Мик, — в беззаботном и чарующем Париже. Именно туда отправится генерал по завершении лондонских лекций. — Он поддернул кружевные манжеты. — А для чего ты мне нужна, я пока не скажу. У генерала далекоидущие планы. И правительство Франции оказалось перед определенными затруднениями, которые требуют помощи экспертов... — Он торжествующе осклабился. — Но, похоже, я тебя утомляю, а?

Сибил переступила с ноги на ногу.

— Ты возьмешь меня в Париж? — медленно проговорила она. — Честно, не врешь?

— Честнее не бывает. Можешь проверить, в кармане моего пальто лежит билет на паром из Дувра.

В дальнем углу стояло гобеленовое кресло; подойдя к нему, Сибил взяла пальто Мика. Пытаясь унять безудержную дрожь, накинула пальто на плечи. Прекрасная мягкая шерсть, надеть такое — все равно что закутаться в теплые деньги.

— Посмотри в правом кармане, — подсказал Мик. — В бумажнике. — Его, похоже, забавляло, что она ему не верит.

Сибил опустила озябшие руки в карманы. Глубокие, с плюшевой подкладкой...

Ощувив левой рукой жесткий холод металла, она машинально вытащила кургузый многоствольный дерринджер. Ручка из слоновой кости, замысловатое поблескивание стальных курков и латунных патронов. Короткий, с ее ладонь, но тяжелый.

— Вот это ты зря, — нахмурился Мик. — Будь добра, положи его на место.

Сибил убрала опасный предмет, осторожно, но быстро, словно это был живой краб. В другом кармане она нашла футляр из красного сафьяна, внутри были визитные карточки, деловые и личные, с машинной гравировки портретом Мика,

под ними лежали расписание лондонских поездов и тисненый прямоугольник жесткого кремового пергамента — билет первого класса на «Ньюкомен» из Дувра.

— Но ведь тебе понадобится два билета. — Она помедлила. — Если ты действительно думаешь взять меня с собой.

— Да, — согласно кивнул Мик, — и второй билет на поезд из Шербура. Нет ничего проще. Можно заказать по телеграфу, прямо от портье.

Сибил снова поежилась и плотнее закуталась в пальто, Мик рассмеялся:

— Не строй такую кислую рожу. Ты все еще рассуждаешь как шлюха, перестань. Начни думать масштабно, иначе мне от тебя никакой пользы. Ты теперь — подружка Мика, пташка высокого полета.

— Я никогда не была с мужчиной, который бы знал, что я Сибил Джерард, — неохотно объяснила Сибил.

Вранье, конечно же. Был еще Эгрмонт — человек, который ее обесчестил. Уж он-то прекрасно знал, кто она такая. Но Чарльз Эгрмонт не имел уже ровным счетом никакого значения — он жил теперь в совершенно ином мире со своей респектабельной, не в меру спесивой женой, своими респектабельными детьми и своим респектабельным местом в парламенте.

И Сибил вовсе не *шлялась* с Эгрмонтом. Слово какое-то не то. Впрочем, здесь трудно провести грань...

А еще она видела, что свежеизобретенная ложь Мику нравится. Щечочет его самолюбие.

Мик открыл серебряный портсигар, извлек оттуда черуту и закурил от маслянисто вспыхнувшей многоразовой спички, наполнив комнату сладковатым запахом вишневого табака.

— Значит, теперь ты меня стесняешься? — спросил он через пару секунд. — Так, пожалуй, даже лучше. То, что я знаю, дает мне чуть больше власти над тобой, чем одни деньги. —

Его глаза сузились. — Ведь важно то, что ты знаешь, верно, Сибил? Это нечто большее, чем земля, или деньги, или выскородное происхождение. *Информация*. Самое то.

Сибил испытала мгновенный приступ ненависти к Мику, к его спокойствию и самоуверенности, — чистейшее негодование, резкое и первобытное. Но она подавила в себе это чувство. Ненависть поникла, теряя остроту, обращаясь в стыд. Ведь она ненавидела этого человека только за то, что он ее знает, знает по-настоящему. Он знает, как низко пала Сибил Джерард, знает, что она была когда-то образованной девушкой с манерами и изяществом под стать любой леди.

В детстве, в дни отцовской славы, Сибил вдосталь насмотрелась на таких, как Мик Рэдли. Фабричная голытьба, пятачок пучок в базарный день, эти остервенелые мальчишки сбивались вокруг отца после каждой его зажигательной речи, делали все, что он ни прикажет. Развинчивали рельсы, срывали клапаны паровых машин, вращающих ткацкие станки, гордо складывали к отцовским ногам каски поверженных полисменов. Они с отцом бежали из города в город, зачастую по ночам. Ночевали в подвалах, на чердаках, в безликих мебелированных комнатах, скрываясь от радикальской полиции и кинжалов других заговорщиков. И иногда, возбудившись от своих речей, отец брал Сибил за плечи, обещал ей весь мир. Она станет жить госпожой в зеленой и тихой Англии, когда Король Пар будет наконец низвержен. Когда Байрон и его промышленные радикалы будут бесповоротно разбиты...

Но пеньковая веревка заставила отца умолкнуть. Радикалы все правили и правили, идя от триумфа к триумфу, перетасовывая мир, как колоду карт. И вот теперь Мик Рэдли вознесся в этом мире, а Сибил Джерард пала.

Она стояла и молчала, кутаясь в пальто Мика. Париж. Огромное искушение. От одной лишь мысли, а вдруг Рэдли не врет, кружилась голова. Сибил заставила себя задуматься

о том, что будет, если она оставит свою жизнь в Лондоне. Это была дурная, жалкая, убогая жизнь — и все же не совсем безнадежная. Ей еще было что терять. Меблированная комната в Уайтчепеле и милый Тоби, ее кот. И была еще миссис Уинтерхолтер, которая знакомила девушек с политическими джентльменами. Миссис Уинтерхолтер, хоть и сводня, ведет себя как леди и вполне надежна, таких еще поискать. И еще она потеряет двух своих постоянных джентльменов, мистера Чедвика и мистера Кингсли, каждый из которых навещает ее дважды в месяц. Что ни говори, постоянный заработок, спасающий ее от улицы. Но у Чедвика в Фулеме ревнивая жена, а у Кингсли Сибил украла лучшие его запонки, это ж надо быть такой дурой. И он догадывается, чьих рук это дело.

И ни один из них не швыряет деньги так свободно, как Денди Мик.

Она старательно изобразила улыбку:

— Какой же ты, Мик Рэдли, чудной. Сам ведь знаешь, что можешь вертеть мною как хочешь. Может, я сперва на тебя и взъелась, но не настолько уж я придурочная, чтобы не распознать настоящего джентльмена с первого взгляда.

Мик выпустил дым.

— Ну и хитра же ты, — восхищенно протянул он. — Врешь напрапалую, а личико — ну прямо ангельское. Меня ты, конечно же, не обманула и не обманешь, можешь не надеяться. И все же как раз такая девочка мне и нужна. А теперь — марш в постель.

Сибил послушно легла.

— Мамочки, — сказал он, — у тебя же не ноги, а просто ледышки! Почему ты не носишь комнатные туфли? — Он решительно потянул ленты корсета. — Комнатные туфли и черные шелковые чулки, — продолжал он. — Черные чулки — высший шик, особенно в постели.

Аароновский приказчик, стоявший за дальним концом застекленного прилавка, окинул Сибил холодным взглядом. Высокий и надменный, в щегольском черном сюртуке и до блеска начищенных ботинках, он чувствовал, что тут что-то не так, прямо нюхом чуял. Сибил ждала, пока Мик расплатится, чинно сложив руки перед собой и украдкой постреливая глазами из-под голубых рюшей капора. Под ее юбкой, в каркасе кринолина, притаилась шаль, украденная, пока Рэдли примерял цилиндры.

Сибил легко научилась воровать сама, безо всякой посторонней помощи. Тут необходима выдержка, это главное. И нахальство. Не смотри ни направо, ни налево — просто хватай, задирай подол и прячь. А потом стой себе с постной физиономией, словно барышня из приличных на утренней службе.

Приказчик потерял к ней интерес, теперь он пялился на толстяка, теребившего подтяжки муарового шелка. Сибил быстро проверила юбку. Нет, вроде не выпирает.

Юный прыщавый клерк с чернильными пятнами на пальцах ввел индекс Мика в кредитную машину. Вжик, щелк, поворот рычага с ручкой из черного дерева — и готово. Он протянул Мику отпечатанный чек, завернул покупку в хрустящую зеленую бумагу и обвязал шпагатом.

«Аарон и сын» никогда не хватятся кашемировой шали. Потом устроят переучет, конторские машины выявят недостачу, но ведь это для них что слону дробина, вон ведь какой магазин, огромный, богатый, прямо что твой дворец. Сплошные греческие колонны, люстры из ирландского хрусталя, миллионы зеркал; блестящие позолотой комнаты загромождены резиновыми сапогами для верховой езды и французским мылом, тростями и зонтиками. А уж в стеклянных, запертых на ключ витринах — чего только нет. Брошки посеребренные и брошки резные, слоновой кости, а еще золотые музыкальные шкатулки и вообще все, что хочешь. И это лишь один магазин из дюжины. Но при всем при том —

и Сибил это знала — «Аарон и сын» не был по-настоящему фешенебельным магазином, благородные здесь не покупают.

Только ведь в Англии при деньгах и голове можно добиться чего угодно. Придет время, и мистер Аарон, старый, пейсатый торгош-еврей из Уайтчепела, станет его светлостью с паровым экипажем, терпеливо ожидающим у обочины, и собственным гербом на дверце того экипажа. Радикалистскому парламенту ровным счетом наплевать, что мистер Аарон нехристь. Ведь пожаловали лордством Чарльза Дарвина, который сказал, что Адам и Ева были макаками.

Облаченный во французистую ливрею лифтер с лязгом отодвинул перед Сибил и Миком дверь, затем с тем же лязгом закрыл, и клеть пошла вниз.

Покинув залы «Аарона и сына», они окунулись в суету Уайтчепела. Пока Мик сверялся по карте города, выуженной из кармана пальто, Сибил разглядывала меняющиеся буквы на фасаде магазина. Механический фриз — по сути дела, малоскоростной кинотроп, приспособленный для показа объявлений о товарах, — был составлен из сотен раскрашенных деревянных кубиков, поворачивающихся за зеркальным стеклом то одной, то другой гранью. «ПРЕВРАТИТЕ ВАШЕ ПИАНИНО, — предлагали прыгающие буквы, — В ПИАНОЛУ КАСТНЕРА».

Горизонт к западу от Уайтчепела порос частоколом подъемных кранов — голые стальные скелеты, выкрашенные от сырости суриком. Здания постарше стояли в лесах — все, что не шло на снос, уступая место новому, перестраивалось по его подобию. Вдалеке пытели экскаваторы, мостовую сотрясала мелкая дрожь — где-то в глубине исполинские механизмы прокладывали новую линию подземки.

Но тут Мик без единого слова развернулся налево и зашагал прочь; его шляпа была сдвинута набекрень, длинное пальто развевалось на ходу, резко мелькали клетчатые отвороты брюк. Сибил едва за ним попевала. Оборванный мальчишка, на груди жестяная бляха с номером, сгребал с пере-

крестка мокрый грязный снег; Мик, не задерживаясь, швырнул ему пенни и повернул в Мясницкий ряд.

Сибил наконец нагнала его и взяла под руку. Слева и справа на почерневших железных крюках висели красные и белые туши — говядина, баранина, телятина; плотные мужики в заляпанных кровью передниках многогласно расхваливали свой товар. Обитательницы Лондона толпились здесь дюжинами с корзинками в руках. Служанки, кухарки, добропорядочные жены добропорядочных мужей. Краснолицый козоглазый мясник выскочил на мостовую прямо перед Сибил; в его ладонях лежало что-то синее и скользкое.

— Постой, красавица! Купи мужу на пирог самые лучшие на рынке почки!

Сибил дернулась и обошла его стороной.

Обочину загромождали тележки, возле которых выкликали свой товар торговцы и торговки; на их плисовых куртках сверкали латунные и перламутровые пуговицы. У каждого имелся свой номерной значок, хотя, по словам Мика... добрая половина номеров была липой, такой же липой, как и гири их весов. Мостовая, расчерченная мелом на аккуратные квадраты, была сплошь устелена клеенками, уставлена корзинами; Мик принялся рассказывать, к каким уловкам прибегают торговцы, чтобы придать свежий вид лежалым, сморщенным фруктам, как они подкладываютдохлых угрей к живым. Сибил улыбалась, видя, как он гордится своими познаниями. Тем временем торговцы кричали о своих метлах, мыле, свечах, а хмурый шарманщик двумя руками крутил ручку своей машины, наполняя улицу торопливым дребезжанием колокольчиков, струн и стальных пластинок.

Мик остановился около складного столика, за которым восседала раскосая женщина в бомбазине — вдова, что ли? Тонкие, скорбно поджатые губы сжимали короткую глиняную трубку. На столике были выставлены многочисленные пузырьки с вязкой на вид жидкостью; должно быть, какое-то патентованное лекарство, решила Сибил, поскольку на